ИВАН БУРКИН

ГОЛУБОЕ С ГОЛУБЫМ

Иван Буркин

ГОЛУБОЕ С ГОЛУБЫМ

«ПЕРЕКРЕСТКИ»
1980

CROSSROADS
7738 Woodbine Avenue
Philadelphia, Pa. 19151

СТРАНИЦА ЭПИГРАФОВ

Не бойся голубого.

А. Бретон

Как изваяния, слова сидят со мною.

К. Вагинов

Des paroles inconnues chantèrent-elles
sur vos lévres, lambeaux maudits
d'une phrase absurde?

S. Mallarmé

А выйдешь из терпения,
Еще один есть путь:
Иди в стихотворение
И сделай что-нибудь.

И. Буркин

БУДНИ

Я глазам своим не верю,
Говорю своей руке:
— Отвори скорее двери
Громкой рифме и строке!

Приготовь мне лист бумаги,
Поскорее мне достань
Запятые-бумеранги,
Скобки прочные как сталь.

Я наполнен белым светом.
Черным воздухом надут,
Умываюсь синим цветом,
Удивляюсь, что я тут.

Почему я, удивляясь,
Поклоняюсь детворе
И, надеждой разговляясь,
Растворяюсь на дворе?

Тень родителей боится
И ползет как Сахалин.
Кто-то в область футболистов
Наших жителей свалил.

Кто-то ,кажется, с корзиной
Быстро выбежал из сна.
Тетка толстую картину
На ногах своих несла.

Грусть похожа на дубраву;
Смех похож на огород.
Я к дубраве шум добавлю,
Огороду нужен рот.

На лице случилась кража.
Ощетинилась гроза.
Что творится там у граждан?
Сон идет у горожан.

Быть погоде или поту?
Смотришь: пить или не пить?
День выходит на работу,
А рабочий еще спит.

Выношу на свет решенье,
Выхожу в кудрявый зной.
День выходит в воскресенье.
Дом выходит в выходной.

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЗИМЫ

Зима идет походкой мягкой,
И я с ней — в роли земляка.
Пейзаж построен из бумаги
И сделан снег из молока.

Зима, мороз и я — нас трое.
Какой сияющий фасад!
Хотите знать, как зиму строят?
Могу и это описать.

Берется дождь со знаком минус,
Кладется озеро в мороз,
Затем садятся у камина
С женой и пачкой папирос.

Уходит солнце за кулисы.
Садятся в сани. Вожжи. Кнут.
Мороз, закончив красить лица,
Готов присесть и отдохнуть.

Зима готова. Ветер сделан.
Январь. Потом его сосед.
Мы просыпаемся — все в белом.
Зато ложимся в синий цвет.

НЕМНОГО ГАРМОНИИ

Рука рифмуется с ногой.
Нога рифмуется с рукой.
Одна, в расцвете средних лет,
Шагает леди как куплет.

За ней в цветущем состоянье,
На очень близком расстоянье,
Пока без спутницы, один,
Шагает в рифму господин.

Направо — булки грудью кормят
Голодный взгляд с огромным горлом.
Налево — шляпы ждут голов,
И рядом — пища из коров.

Бежит то речка, то струя,
Бежит за речкой мое «я».
Зачем бежит — никто не знает.
За мной бежит страна мясная.

Где «я» спешит, там «ты» стоит,
И там не улица, а стрит.
Налево — грусть, тоска —направо,
И двери, двери как канавы.

Я понимаю: все здесь сложно.
Хранятся в кассе наши слезы,
И можно взять слезу в кредит,
Наполовину сократить.

Мне надоело всем внимать,
Глаза на крышу поднимать,
Снимать то волосы, то шляпу,
Включать то голову, то лапу...

Чтоб «мы» от нас не отломилось,
Есть наказание и милость:
Тебя от «ты» не отличить,
Меня от «я» не отлучить.

ВЕЧЕР У МАШИ

Мы с Машей сидим — влюблены до отказу.
У Маши нет мужа, а я холостяк.
Она по привычке влюбляется сразу,
А я без привычки — немного спустя.

Уставшее солнце уже закатилось,
И вечер в пустых разговорах погряз.
Напротив меня как на вечной картине
Овал метафизики с залпами глаз.

Напротив меня —разливное веселье.
В нем вьется характер как ветер весной.
За это она уважаема всеми,
Но нежно терпима за это лишь мной.

У Маши все бури закончились в прошлом.
Зато у меня в настоящем гроза.
У Маши дела разрешаются проще,
А мне в каждом деле нужны тормоза . . .

У Маши всего наблюдается много,
Плюс дивное сердце, плюс челка и бюст,
Плюс честное слово — его взять не могут:
Оно словно частная собственность уст.

И я замечаю: рука как игрушка
И взгляд очень теплый — почти на меху...
Мне часто бывает и скучно, и грустно:
О ножках, как Пушкин, писать не могу.

Мы с Машей сидим, в наши речи с лимоном
Вливается улица, в наш разговор
Вплетаются мелочи бесцеремонно,
За ними то мебель, то мех, то ковер.

Мы слушаем вечер. Мы дышим на ветер...
У Маши есть опыт — не надо учить.
На белом лице ее как на конверте
Написано ясно — кому получить.

ВОСКРЕСНЫЙ МОНТАЖ

1

Сегодня,
как всегда,
я занимаюсь украшеньем
своих надежд,
некоторые — сдаю в ремонт.
Сегодня
меня очищает воскресенье
от оголтелых картин,
заглавий и имен.

2

Вот состряпанная из слов
знаменитость.
Вон страна,
сделанная из мужиков.
А вот стихи
из белых ниток —
в них нет ни времени,
ни крыльев,
ни шагов.

3

Другой пример.
На конференции отъявленных лысин

оратор вынул из головы
земной шар.
(Это на экране телевизора.)
О разум!
Беги скорее за кулисы,
чтобы тебе никто не мешал.

4

НТР.
На земле обитают
ископаемые колеса.
Пока я влево сплю,
пока я вправо ем,
на кладбище,
на бирже,
вытирая логически правильные слезы,
хлопает цифрами ЭВМ.

5

У моей весны
сегодня лермонтовское настроенье.
Бедной двери
некому ручку подать.
Что зеркало!
Оно тоже лишилось зренья
и не радо ни дамам, ни господам.

6

Я с дерева упал,
счастливо оторвался . . .

Смотрю на небо
как на вечный шантаж
и думаю:
после всех катавасий
какое расстояние
от патриота до шута?

7

Прибавьте ко мне
песню, галстук.
Отрежьте от меня
эту улицу с хвостом!
Скажите скорее
товарищу Лекарству,
чтоб оно держало
со мной ухо востро.

8

Я иду,
а цветы не цветут,
а злятся.
Будь осторожен:
краски заклюют.
Нет апостолов?
Нашлись эрзацы!
Держись за землю,
насквозь промытый люд!

9

Газеты вертятся,
болтаются афиши.
Иероглифы
сложили как дрова.
Я все-таки иду
и с аппетитом вижу,
как зеленеет
в памяти трава.

10

Весна, как прежде,
смазана любовью.
Дрожит весенняя
на ветках акварель.
Размахнувшись
как казачьей саблей
бровью,
стоит
отточенный дамой
кавалер.

11

Ищу пассажиров.
Случайно не хотите . . .
Я капитан всех несуществующих кораблей.
Говорю голове своей:
— Кто твой учитель?
Посмотри,
как шелестят паруса рублей.

12

Ночь.
Звезда, дошедшая до исступленья,
Руки.
Рукопись с разворотами души . . .
К высокому детству
ведут и ведут ступени,
из детства выводят винтовки
и приделанные к ним усы.

13

Кто на меня
теперь язык поднимет?
Я даже тень свою
публично разгромил.
Я разоружаю свой рот.
Отныне
со всеми языками
заключаю мир.

СТИХИ ДЛЯ ДВОИХ

Первый раз читать одновременно без пауз. Второй раз первый чтец читает с паузами после точек. Второй чтец читает в паузы.

Первый чтец

Дом. Шаг к ребрам забора.
Дверь. Два лица на запоре.
Два молчанья. Две тени на складе,
Созерцанье. Патроны во взгляде.
Богатство во рту. Рот тузом,
И язык с очень острым ножом.
Посмотри: разве этого мало
Человеку в двадцатом тумане,
Кто в лирически смертном угаре
В бесконечное едет ногами?
Ничего. Ренуар. Кавардак.
Очень бурный зеркальный квадрат.
Смех в рассрочку. В окне арматура
Зимних деревьев. Природа не дура.
Тишина. Перекличка двух стен.
На одной из них строится тень.
Это — ты в самом лучшем разрезе.
Ночь вверх дном. Вся вселенная грезит.
Снег лежит тяжело, как убитый.
Голубое в окно. Рот орбитой.
Тьма врасплох. Свет дежурит в венце.
Это я у себя на конце,
На вершине высокой беды —
Ты меня не забудь, разбуди.

Второй чтец

Гром. Треск погоды и спора.
Дверь. Что-то страшное скоро.
Всюду верное вечное близко.
Потому наши руки как брызги.
Наше тело играет в размеры,
Выбирая чудесные сферы.
И потом, подложивши кровать,
Мы ложимся глаза закрывать.
Снова буря во рту. Шум с трубой.
Дом вверх дном. Голубое с тобой.
Это я у себя наверху
Беспощадно рукою сверкнул.
Где критерий и где эталон?
Атакую себя с двух сторон.
Почему? Кто диктует нам сон?
Издаю долгий звук колесом.
Я опять в перестрелке двух стен —
Усыпленный, из моды звучащий.
Я — не я. Я лишь в скобках двух тем —
Добавленье к столу или чаше.
Сон в окно. Ночь опять на клею.
Это — ты у себя на краю —
У себя глубоко, глубоко.
Сон закрыт. Тишина и покой.

СИМФОНИЧЕСКИЙ СКАНДАЛ

1

Телеграфные мужья,
Незамужняя береза,
Грозный вид из звонкой бронзы,
Дождь и осень как мазня.
Это — часть лишь панорамы.
Чуть не каждая деталь
Служит здесь как адъютант
И на нас не смотрит прямо.

2

Ну, а что на нас здесь смотрит?
Боль большой величины,
Штык, бутылка натюрморта,
Фунт вранья иль ветчины?
К нам доносится Стравинский
Из духовных облаков.
Кто-то флейтой отравился,
Кто-то умер глубоко.

3

А вот ночью при луне
Ездит буква на коне
Со свечой и сигаретой
И наполнена секретом.

Кровь моя куда-то ездит
И боится опоздать...
Я еще не запер вежды.
Кто бы мог им ковш подать?

4

Все не терпится душе.
Из словесного селенья
Переехал я в сомненье,
Из сомнения в досье
Поднебесных канцелярий,
Где всех зрячих исцеляют.
Я иду густой тропой,
А ведет меня слепой...

5

Как и всякий гражданин,
Сам себя я раздавил
И, как сказано в законе,
Сам себя я вырвал с корнем,
Разложил себя по полкам —
Сердце там, а разум тут.
Разум спорит с чувством, с толком,
Ноги из дому растут.

6

Полюбуйтесь, вот так штука!
Я двух жен держу в уме.

Видно, лебедь, рак и щука
Соревнуются во мне.
Симфонический скандал!
Феерические вина!
Половиной вдруг я стал.
Где другая половина?

7

Обновляется поэт,
Как ни странно. В результате
Маринованный читатель
Из печати вышел в свет
И заметил: как ни странно —
Дым идет назад в трубу,
В горле музыка застряла,
Человек застрял в гробу.

8

Возрождается строка,
Идиот торчит из пепла,
Разветвляется рука,
А потом играет в петлю.
С переломанным ребром
Крест стоит, под ним писатель.
Крест все тело приобрел,
Дух выходит из печати.

9

Начинается разъезд.
Я в другие лапы еду,

22

Вторник мчится прямо в среду,
Уезжает церковь, крест,
Городок за ними скачет...
Остается память-скатерть
(Залита она страной...)
И подушка в мир иной.

АВТОПОРТРЕТ

Линия бежала, бежала,
Но ничего не изображала.
Потом удивилась,
Возле меня остановилась,
Немного остыла,
Перекрестилась,
Фартук надела
И принялась за дело.
Вокруг головы обежала,
Волосы мои облизала,
Две точки проткнула шилом,
Новость точкам сообщила,
Потом зацепилась за нос,
Потом, споткнувшись неаккуратно,
Расплескала себя в мой неясный характер,
Потом растянулась сладко,
Оставив у носа складку.
Потом, повернувшись странно,
В бороде моей вдруг застряла,
Ходила в ней взад и вперед
Словно не было больше бород.
Потом потеряла свой след.
Точка. Это мой автопортрет.

ЗНАЧИТ, СОЧИНЯЮ...

Висят гитары словно туши
В кровавой лавке мясника.
Цветут тромбоны прямо в уши
И тают страны как снега.

Мир переполнен ожиданьем:
Куда же Запад повернет?
В туман бегут гурьбою зданья,
В которых портится народ.

Друзья виднеются как горы
Идут заборы как полки.
Беру я рифмы как аккорды,
Плюю бесплатно в потолки...

Что делать? Значит, сочиняю...
Куда идти? Кому сказать?
Зачем опять я начинаю
Глядеть, дышать, мечтать назад?

И вижу я в дали хрустальной,
За этой темной массой лет:
Покинув тихо берег дальний,
Ко мне закапал мой же след.

Струится путь, и вьется ворон,
И я у неба на виду,
Пустив в глаза всем светофорам
Побольше пыли, там иду.

Иду по весям и по нивам,
И Волга вьется за спиной
Сперва шутя, чуть-чуть лениво,
Потом как русский дух в пивной.

И снова в путь. Иду и еду.
Сменилась каша колбасой.
Когда жена ушла к соседу,
Со мной остались хлеб да соль.

Со мной судьба, со мной дорога,
Со мной мой транспорт из двух ног,
Со мной из луковиц сторонка
И чья-то песня как дымок.

А век свистит. Конторы пишут,
Одна другой кричит: — Газуй!
И я, порвав с телесной пищей,
К духовным снам перехожу.

LA VITA SOLITARIA

(Современные импровизации)

1

Расстегну я сад зеленый,
Разбужу свои зрачки . . .
Как тогда, во время оно,
Сняв туман, надев очки,

На меня природа глянет,
Скажет: —Милый, что с тобой?
Молодой ты был и ранний
И пошел не той тропой . . .

Где блуждал, где куролесил,
Где подобно кораблю
Нюни парусом развесил
И соленого хлебнул?

Или где-то чьи-то чары
Ослепили раз, другой,
Докатился до гитары
И махнул на все рукой?

2

Рук боюсь своих. Не буду
Ждать обиды от осла.
Брошу в зеркало как в блюдо
Две копейки глаз со зла.

И когда все сны заглохнут
В сердце, бьющемся вверх дном,
Подбегут ко мне все окна
И помажут светлым днем.

И пойду спокойно мимо —
Мимо времени и стен,
Как всегда, неисправимый
И негодный для систем.

Рано вынутый из дома,
Не попавший в монастырь,
Я всю жизнь бегу из тома
Сочинений темноты.

Что ж душа так захотела.
Для чего же мне беречь
Это вогнутое тело,
Эту выпуклую речь?

3

Я с природой не ругался,
Я ее законный зять.
Даже мой пейзажный галстук
Хочет что-то ей сказать.

Я встаю довольно рано.
Помогает мне бульон.
Износившиеся страны
Я меняю как белье.

Что творится за границей —
Всем известно с детских лет.
Часто новую страницу
Открывает пистолет.

Часто вовсе нет страницы.
Приезжаешь в пустоту.
Или просто заграница
Исчезает вдруг — тю-тю!

Вместо царства с громкой славой
В результате суматох
Возникает серп двуглавый
И безглавый молоток.

4

Как кремлевские куранты
Всем эпохам я служил
И недаром аккуратно
Губы веслами сложил.

Сколько раз в кино и в цирке
Я ловил булавки глаз!
Сколько раз губами чиркал —
Связь однако не зажглась.

Не дают покоя шансы.
Я держусь от них правей.
Не могу я жить без санкций
Убедительных бровей.

Я вернулся восвояси
В полном виде, целиком.
Чувство дома, чувство связи
Раздувает телефон.

Впрочем, это не так важно.
Странно то, что даже дом
К телефону весь привязан,
Даже хуже — пригвожден.

Дом похож на Прометея —
Он к правительству пришит,
Крепко борется с метелью.
Я живу, а он трещит.

Даже новости как гвозди,
Языки как молотки,
Сплетни длинны словно гости,
Дни как строчки коротки.

5

Я спешу за настоящим,
И в меня на лоне лет
Как конверт в почтовый ящик
Опускают звезды свет.

Попадаются моменты —
Те, что жаждою томят,
Опускаю я монеты
В ненасытный автомат.

Опускаю словно в клетку,
Посылаю словно в склад,
Очень бойкий, очень редкий,
Дорогой, наверно, взгляд.

Раз заметил он кокотку
У прилавка суеты:
Пропагандная походка,
Пережитки красоты . . .

И в улыбку словно в дырку,
Стиснув зубы, в тот же миг
Я глазами сильно чиркнул,
Но до сердца не проник.

Глаз ходил с билетом желтым,
Был в Москве, был рыбаком,
Все заборы, горизонты
Перешел как Рубикон.

Я пишу пером как спицей.
До чего же я дошел?
Боль в груди о чем-то пишет
Голубым карандашом.

Говорят: «Судьба такая . . .»
Пусть останется такой.
Жизнь идет, я протекаю
Над разлившейся строкой.

«Ничего, мол, не попишешь . . .»
А вот я, не Мопассан,
Посмотрел на вещи пышно,
Сел и пышно написал.

НЕ МЕШАЙТЕ!

Я спешу на подземке
К дуракам на рога.
Рядом в области женской
Проступила нога.

Забурлило колено
Сквозь летучую ткань,
С жилкой узкоколейной
Едет вдаль старикан.

Засмеялась вдруг искра
На веселом кольце
У крутой одалиски
С головой на конце.

Смотрят в ночь пассажиры,
Вдаль струится вагон.
В электрических жилах
Растянулся огонь.

Вот лицо словно рынок.
Есть товар на устах,
И в очках как в витринах
Кто-то выставил страх.

Вот как песня блондинка.
Не глаза, а дуэт.
В них давно заблудился
Незаконный поэт.

Языком две старушки
Никого не щадят,
Прицепив к сплетням ручки,
Как на ветке сидят.

Я спешу на край света
На подземке — спешу
Передать эстафету —
Не мешайте, прошу.

НАТЮРМОРТ СО СЛОВАРЕМ

На планете обширной
Утро как самовар.
На столе очень жирный,
Раздобревший словарь.

В словаре очень тесно.
В нем, устав рисовать,
Как в ночлежке чудесно
Отдыхают слова.

Не шумят окончанья
Как весною дожди.
Не гремят, заскучали
В словаре падежи.

Загорают приставки
На страницах густых,
Здесь слова как в отставке,
На правах холостых . . .

Обнажив свои дула,
Ждут команду в них «о».
Есть слова как акулы,
Со значком ГТО.

Обитают здесь твари
Языка и ума.
И для слов есть футляры,
И для слов есть тюрьма.

НИЧЕГО НОВОГО

Темно. Туманно. Поздно.
Гудят озорники.
Напившийся сапожник
Ругает две ноги.

Бумажный стихотворец
Весь мир подряд клянет:
Открыл все светофоры,
Но рифма не клюет.

Гремит язык хвалебный
В сумятице стальной.
Но дух мой как нахлебник
Пока еще со мной.

Лежишь порой как мертвый,
А дух кричит: — Смотри:
Цветам набили морду,
И сразу зацвели.

Набросилась палитра
На юбки из трущоб,
Где крепкая поллитра
Фантазию трясет.

О сколько разной клюквы!
И есть такой продукт:
Набили чем-то буквы
И в книжках продают.

В башку из толстой книжки
Упала как-то дрянь —
Большая дрянь без крышки . . .
Попробуй вынь, достань.

Укрылась в акварелях
Дурная красота,
Убив стихотворенье
Дубинкой изо рта.

Стоят. Галдят. Колеблют
Прозрачный юный ум.
Стоит великолепный,
С большим карманом шум.

Щекочет разум тайна.
Ну, как ее назвать?
Подарят жизнь случайно,
Потом берут назад.

В огромных документах
Живешь как бы в тепле.
Ни думать, ни кумекать
Не хочется тебе.

Сидит на шее имя,
А отчество пришьют.
Живешь, но как-то мимо.
Не в отчестве ли суть?

ПРОЩАНИЕ С ПУШКИНЫМ

Весна. Я снова торжествую,
В блокноте обновляю путь,
И, как кобылу рифму чуя,
Перо несется как-нибудь.

Шумят каракули растений,
Страна рассеялась как дым.
Гроза устраивает сцены
Седым и вечно молодым.

Передо мной мелькают кадры
Из белых зим, из тех руин,
Насквозь испуганные хаты,
Последний выпуск тех равнин.

Трепещут окна, занавески,
Трепещут там, где млею я,
Где извиваются невестки,
Где заправляются мужья.

Платки, кашне, колье, браслеты.
Хрустят характеры, плащи.
Тугие лица без просвета.
Ходи, ищи, кричи, плати.

Скажите, что мне делать рядом
С роскошно убранною тьмой?
Я посмотрел и плюнул взглядом
В окно, цветущее тюрьмой.

ПРОЩАНИЕ С БЛОКОМ

Не понимаю, где кончаются
Дороги, рюмки, огурцы.
Проходит год, и вот качаются
В долгах конечности, концы . . .

Проходит сон, и начинаются
Язык, кровать и два окна,
Чело стихами осеняется,
Я появляюсь из сукна.

Я начинаюсь очень медленно
И поднимаюсь как волна —
Фигура издали заметная,
И шляпа лысиной полна.

Спускаясь в область непонятного,
Я отрываюсь от жены,
Иду, согрев ее пенатами,
Туда, где рюмки зажжены.

И развивается мистерия,
Я отражаюсь в кабаке,
Ко мне подходит близко дерево
На очень тонком каблуке.

И поднимаются желания
Как разноцветные шары,
Душа как Старая Зеландия
Мне громко шепчет:— Не шали . . .

Идут по улице чиновники,
Идет с ружьем лихой закон,
Навстречу им разочарованной
Идет душа под пиджаком.

В соседстве с книгами бездонными,
Вдали от ласковых зверей,
Я окружен словами дойными,
Зверинцем вывесок, дверей.

Пока за глазками с бутылкою
Сижу как боль по вечерам,
Часы с лицом монгольским тикают
Поэтам, нищим и царям.

Проходит день, и в час заплаченный
Я слышу смех и рюмок визг.
Карманным золотом оплаканный,
Кричу:— Вино, остановись!

В стаканах чикаются яхонты.
Лицо висит как прейскурант,
И губы спелые как ягоды
На ветках дам опять горят.

И женский стан с большими средствами
Я глазом взял и оценил.
Не отвечаю за последствия —
Я что-то очень сочинил.

СТРОФЫ

1

Эх, друзья, эх, товарищи,
Замыкается круг.
Из души все вдруг валится,
Все уходит из рук,
И стоит как солдат
Со штыком результат.

2

Кто-то вышел из бизнеса,
Кто-то вылез из дел,
Кто-то к гробу приблизился
И в себя поглядел.
И вдруг стало обидно:
Ничего там не видно . . .

3

В паутине нейлоновой
Ходит пол расписной,
В паутине неоновой
Бродит мрак запасной
И как будто вуалью
Всю страну зашивает.

4

Рот как будто на фабрику
Отправляется к яблоку.
Захватив аппетит,
Пуля в гости летит.
Отдохнув, тишина
Бродит в грязных штанах.

5

Не слыхать. Не видать.
Можно в пояс рыдать,
Бить в набат, бить баклуши,
Вслух, по рюмочке жить,
Речь с гарниром послушать
И обман отслужить.

6

Выставляют покойника
Словно он экспонат.
У него есть поклонники.
Ничего не понять.
Берегись, пациент,
На тебя есть патент.

РУМЯНЫЙ СЛОГ

Шабли во льду, глаза в огне.
Душа . . . За ней угнаться трудно.
Эпоха крутится во мгле,
А вечер — вечер ясный, чудный . . .

Там, в неподкупных небесах,
Звезда гуляет с полной няней.
Чтоб это лучше описать,
Я слог сегодня подрумянил.

Итак, звезда, луна, покой.
Не нарушая в общем правил,
Вот этот мир своей рукой
В стихах как мебель я расставил.

На место землю положил,
Вечерний свет повесил рядом,
Слова позвал и обнажил . . .
Итак, командую парадом.

Но не судите, что поэт
В сем мире так распорядился:
Ему бумага — Божий свет,
И на бумагу он родился.

Как конь стоит в упряжке стол,
И я, сломив свой рост зигзагом,
За сеткой дум, как за кустом,
Сижу, пишу бегом и шагом.

То примыкаю к тишине,
То приобщаюсь к свежей боли,
То, прислонившись вновь к цене,
Я каждый миг готовлюсь к бою.

Живу давно. Живу один.
Уже давно дышу на строчки,
Несу свой крест — как рок судил —
От запятой до новой точки.

БЕЗ ТЕМЫ

Каких здесь нет видов!
Сучки инвалидов,
крючки насекомых,
забор из знакомых;
в кустах умноженья
с ухмылкой блаженной
средь чисел мохнатых
кукуют магнаты.
Куст телосложенья
попал в окруженье
домашних животных,
людей земноводных.
Характер кудрявый
топорщится веткой,
усы на характере
будто виньетка.
И кто-то, как роза
играя румянцем,
вдруг вылез из рожи
с цыганским романсом.
В домах, на диванах,
в словах деревянных,
в последних фасонах
пустуют персоны

(Кому бы напомнить
людьми их наполнить?),
сидят, барабанят
сухими губами,
щебечут мозгами,
смеются мазками . . .
Какое сплетенье,
привычек и мнений!
Солнце краснеет,
время темнеет.
Картина Шагала
огни зажигает,
и вымытый, чистый
бежит смех из кисти.

УТРЕННЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ О ГОСУДАРСТВЕ

Природа встала очень рано,
Плеснула светом из окна,
Открыла рты как будто краны,
И жизнь как будто потекла.

И пролилась по свету Марья,
За ней посыпался Иван.
Туман висел еще как марля
И утро белым вышивал.

Глаза, что яростно метались
И шевелились в дебрях сна,
Теперь блестят как две медали,
И мысль полнеет как мошна.

Глаза наполнились коровой,
Корова — сеном и водой.
Рога как царская корона
Торчат с невинностью святой.

Толпятся в очереди звуки,
Чтоб прыгнуть в лодочки-слова,
Вернулись пальцы снова в руки,
Вступила в должность голова.

Одни концы ушли в ботинки,
Другие в тесто, в пироги,
И наполняют как бутылки
Большие ноги сапоги.

И государство, выпив чаю,
Напившись быстро молока,
Высокий день опять встречает
Прямым ударом молотка.

МУЖ И ЖЕНА

Вечер шел спокойно, просто
И сгущался как загар.
Муж курил, и знак вопроса
Все дымился из сигар.

А жена — на вид русалка —
Нападая как на льва,
В мужа яростно бросала
Очень толстые слова.

Выбирая их из кучи
Слов, испытанных огнем,
Разражалась и как туча
Изрыгала круглый гром.

Муж держался как аппендикс,
Как отросток дыма, дел,
Думал сладко об обеде,
Крепко в комнате сидел.

ОБЕД У СОБАКЕВИЧА

О этот русский стол с закуской!
Грибы, огурчики, пирог . . .
Огромный комплекс блюд по-русски,
Но наш пирог как эпилог.

А этот русский стол с хозяйкой —
Дебелой, плавной словно гусь,
Просторной, ясной, томной, жаркой . . .
О этот русский плавный вкус!

А после щи с великой няней,
Где, кроме всякой мелюзги,
Желудок водится бараний,
А в нем то каша, то мозги.

Уже не стол, а поле брани,
Уже не каша, а война . . .
На стол несут всего барана
(Могла бы быть и вся свинья).

— Что просвещенье! Все болваны! —
Хозяин рек наискосок.
— Нет, не баранины кусок,
Барана съешьте, Пал Иваныч.

Хозяин злится: — Что диета!
Зачем нам эти фрикасе?
Эх, Пал Иваныч, пища эта
Дает в желудке рикошет.

Потом нагрянули ватрушки
Полезной той величины —
Величины, конечно, русской,
Чего французы лишены.

Обед дошёл до апогея.
И вот последовал индюк.
Царит в тарелках Собакевич
С желудком прочным как сундук.

Краса стола! Индюк с начинкой!
Печенки с яйцами и рис.
И гость подумал, взвесив риск:
Обить желудок нужно цинком.

DISCO

Руки ходят, ноги машут,
Плачут кости, пляшет мясо.
Имя танцу «Динамит» —
Он горит, она дымит.
У него огонь на пятках,
У нее — мозоль с заплаткой.
Пол пылает семицветом:
Кормят музыку здесь светом.
Посмотрел еще разок:
Кто-то выплеснул прыжок.
Стало страшно вдруг: из тела
Вся партнерша улетела.
Вместо талии и торса —
Веер членов у партнерши.
А партнер из длинных ног
Иероглиф вдруг извлек
И, сломавшись хорошо,
Превратился в колесо.
Имя танцу «Чорт те что» —
Двухэтажный чарльстон.
Или это чехарда —
Все сейчас иль никогда?

КУПАЛЬЩИЦА

У купальщицы все видно,
И глазам не нужен блат.
Все в порядке алфавитном
Можно видеть, но не брать.

Вы, наверно, согласитесь
С нашим веком и со мной:
Не к лицу бывает ситец
Этой прелести земной.

Этим формам глаз не страшен
И не нужен им сатин:
На купальщицу затрачен
Целый выстрел красоты,

Красоты с красивым весом,
Характерным для ундин.
На купальщицу отрезан
Двухметровый господин.

На купальщице цвет бронзы,
Свет от нежной буквы X.
Она выросла для прозы
И созрела для стиха.

(Человек со вкусом старым,
Прочитав и взяв стакан,
Скажет: — Нужен комментарий
К этим правильным стихам!)

От купальщицы исходят
Две ноги и два огня,
Двадцать лет, потом два года,
Две улыбки в два окна.

Не природа ли чихнула
И на толки, и на грусть
И так бурно подчеркнула
У купальщицы сей грудь?

Что мне делать, речь родная?
Я в грамматике силен,
Но вот женщин затрудняюсь
Описать со всех сторон.

ОПТИМИСТИЧЕСКОЕ

Оптимист по натуре,
В ус я все-таки дую.
Я живу в хате с краю
И в аптеку играю.
Объясню по порядку,
Как играю я в прятки
С порошком и микстурой
и с таблеткой — как с дурой.
Каждый день как на карту
Ставлю жизнь на лекарство —
На рецепт, на пилюлю,
Ставлю напропалую . . .
Даже если лекарство
Проявляет нахальство,
Если даже рискую,
То на собственной шкуре.

ПРИЛИВ ВООБРАЖЕНИЯ

1

Изваяние из мяса
Осчастливило крыльцо.
Из цыганского романса
Улыбается лицо.

Прикрутили песне гайку.
Шум идет из коньяка.
Распечатали цыганку —
Крупно хвалится нога.

Фантастические крыши
Вдруг лишаются домов,
И в словах все звери рыщут,
И стихи полны томов.

2

Расставлена музыка
В котлах или блюдах.
Сидит барабанщик над ней
Словно Будда.

И бьет он по музыке
Крепко крылами,
И круглая музыка
Перья роняет.

3

Вянут уши над бездонным звуком.
Как канат ко мне протянут свист.
Соловья привыкли черпать ухом,
А ногами ловят самбу, твист.

Чудаки насилуют петрушку,
Изнуряют, раздражают хрен,
А потом ложатся на подушку,
Завернувши в голову мигрень.

Перед нами крестятся колеса —
Их арестовал велосипед,—
И тропинка с местностью хорошей
Начинает прыгать и шипеть.

Вот мы входим в том довольно ветхий.
Запятая ждет как сирота.
Мы облизываем слово как конфетку
И выплевываем с точкой изо рта.

(Заглавие в конце)

Глаза боятся безобразья.
Пугает руку женский лед.
Я пригласил глаза на праздник
И положил два слова в рот.

Передо мной успехи тела
И достиженья головы.
Воображенье растолстело
И полетело к визави.

Жизнь как пластинку проиграли,
Хотят в могилу завернуть,
А тут как будто сверх программы
Бог сотворил такую грудь!

И преподносят сразу чашу,
В которой бесится вино.
Добавьте к тесту ножку счастья,
И счастлив будет Иванов.

Ах, отворите дверь желанью:
Петров не даром громко спит.
Ведь кровь немного пожилая
На все способна словно спирт.

Воображенье беспощадно,
Как паровоз летит, свистит . . .
Мой бедный дух как Медный всадник
Уже над пропастью висит.

Беру блокнот, себя . . . И снова
Воображение дурит.
На языке горят два слова.
Кому скорей их подарить?

ДВА СЛОВА

ЖИТЕЙСКИЕ СОВЕТЫ

Ты смотри на все пикантно.
Если встретишь чепуху,
Передай привет пекарне,
Аспирину, табаку.

Если будешь очень бледный,
Перестань спешить вперед,
Позови скорей таблетку
И пошли скорее в рот.

Пригласи аптеку в гости,
Разреши больной вопрос,
А другой вопрос как хвостик
Оторви и сразу брось.

Если день плохой случится ,
Погуляй один в лесу.
Если в глаз слеза стучится,
Сразу выпусти слезу.

Урони ее подальше,
Чтобы видел весь народ.
Если встретишь ты педанта,
Открывай пошире рот.

Если будешь ты на пляже,
Помни: есть горячий ад.
И когда у моря ляжешь,
Не запачкай ножкой взгляд.

Следуй данному совету:
Чтобы ад не угрожал,
Пусть садятся на диету
Ненасытные глаза.

ЛЮБИТЕЛЯМ ОСТРЫХ ОЩУЩЕНИЙ

Я иду вдоль сиянья
Переполненной дамы
И несу два желанья
Словно два чемодана.

Вдоль меня — лимузины
С золотыми рогами,
В них зияют мужчины
И краснеют руками.

За моей очень крупной
И неровной походкой
Кто-то пахнет покупкой
Словно нервной махоркой.

А вокруг льется чаща
Этажей подневольных.
Окна вьются и мчатся
Как стеклянные волны.

Плеск шагов на панели.
Где кончается шея,
Там быстрей и сильнее
Начинается фея.

Сердце бьется в застенках,
Брюки льются на площадь,
Погоняются деньги
Как ослы или лошадь.

В магазинах смеются
Над народом товары.
Точно в бубн поминутно
Бьют в карман Божьи твари.

Мимо частной торговли
Не пройдешь невредимо.
На каком-то жаргоне
Продается все мимо.

И собрав все желанья,
Все отверстия в кучу,
Продают Дон Жуаны
Очень темные вкусы.

Тяжело от сиянья.
А завяжется узел —
От узла и слиянья
Может быть еще хуже.

Высоко мои мысли,
Широко мое кредо.
Вдоль каких-то комиссий
Я дышу по секрету.

Но сказала мне книжка,
Мою мысль уловивши:
— Высоко — еще низко,
Надо выше и выше.

ВЕЧЕРИНКА — 30 ЛЕТ НАЗАД

В ту ночь нас музыка пьянила.
В гостиной не вмещался гам.
Сосед мой щупал пианино,
Швыряя вялый вальс к ногам.

Я посмотрел: на голом теле,
На чреслах музыки большой
Играли пальцы как хотели,
И звук катился колбасой.

Входила дверь, творились вещи.
На небе плавала дыра.
Мороз ударил полновесно,
Крепчала полночь у двора.

Улыбкой лица обливались.
Под звуки польки и мещан
От женщин юбки отбивались
И поднимались к небесам.

Шуршали пары в дебрях румбы,
Рояль показывал клыки,
И, звонко чокаясь как рюмки,
Давали жизни каблуки.

Под каблуки, под шопот ночи,
Под голубое с голубым
В глаза мужчин влезали очи
На все готовых коломбин.

Луна ласкалась как собака
И приставала с блеском к тем,
Кто связан был законным браком,
Кто честным словом, кто — ничем.

Кто острым глазом метко щелкал,
Кто освещал из декольте,
Кто озарял всех рыжей челкой,
Кто не хотел, а кто хотел.

БАЛЛАДА О ЗЕРКАЛЕ

1

Нет, не руками,
А жадными зенками
Работает в комнате
Зоркое зеркало.

Даже в то время,
Когда нет хозяина,
Зеркало трудится,
Зеркало занято.

В общем-то зеркало
Очень покорно.
Ночью оно абсолютно
Спокойно . . .

Как только утро
Его облизало —
Зеркало сделалось
Вдруг обезьяной.

Кто-нибудь рожу
Построит из мяса —
Зеркало сразу
Воздвигнет гримасу.

Кто-нибудь сладко в него
Рот разинет —
Зеркало строит
Язык из резины.

То смотрит хозяйка
В него как русалка,
То вещи бросаются.
Зеркало — свалка

Физиономий,
Обиженных кем-то.
Зеркало — свалка
Вещей и кокеток.

В общем-то зеркалу
Очень не скучно.
Заботы хватает
До самого ужина.

Глазки, веснушки,
Перчатки и блузки —
Зеркало все подбирает
Как Плюшкин.

2

Зеркалу дали
Большую задачу:
— Смотри, отражай
Обстановку и Дашу.

— Смотри, не зевай!
Наблюдай за комодом,
За модой хозяйки,
За кошкиной мордой.

Зеркало трудится,
Зеркало мучится —
Как отразить ему
Это имущество?

Фигура хозяйки
Клубится роскошно,
Зеркало трудится
Лезет из кожи.

Зеркало мучится,
Лезет из шкуры:
Как бы чего не забыть
Из фигуры.

Зеркало мучится,
Но отражает,
Смотрит, не спорит,
Не возражает.

Трудится точно,
Точно копирует,
Зеркало Даша
Совсем оккупирует.

И все-таки зеркало
Не возражает.
Хозяйка глазами
Его пожирает.

А вдруг сей нагрузки
Не выдержит зеркало?
А вдруг оно станет
Несчастною жертвою?

Жаль, что у зеркала
Нету резинки
Стирать аккуратно
Сединки-снежинки.

О том, как оно
Отражает по блату,
Придется писать мне
Другую балладу.

СОДЕРЖАНИЕ